

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Дача въ Луткѣ.

За бѣлой каменной оградой маленькiй, такой заботливой рукой вздѣланный садикъ. По узенькимъ дорожкамъ, усыпаннымъ крупнымъ морскимъ пескомъ, медленно и важно гуляетъ ручной журавль. Иногда онъ останавливается, долго-долго стоитъ на одной ногѣ и глядитъ въ небо. И кажется тогда, что его томитъ безконечная грусть, которой нѣтъ выраженiя ни на какомъ языкѣ и ни въ какихъ звукахъ. А кругомъ крупная, благоуханная и нѣжныя розы, и вдали, тамъ внизу, расплавленное серебро залитаго солнцемъ моря. Таковъ маленькiй садикъ въ Луткѣ.

Въ небольшой столовой нижняго этажа дачи осторожно, понижая голосъ до шопота, говоритъ Евгенiя Яковлевна гостю:

— А Антошѣ, кажется, опять хуже. По ночамъ не спитъ, я вѣдь слышу. Но мнѣ онъ не хочетъ показать этого и все шутить.

Онъ не хочетъ жаловаться не только ей, матери, но и вообще никому не хочетъ онъ жаловаться. И вотъ оживленный, кажущiйся такимъ безконечно веселымъ завтракъ въ той же столовой. Тутъ и литературный споръ съ замѣчанiями хозяина, поражающими простотой художественной правды, и трогательная благожелательность къ родной литературѣ и жизни, мѣткая и неизмѣнно добродушная шутка надъ прiятеlemъ и даже надъ виномъ знакомаго винодѣла, которое тутъ же получаетъ торжественное латинское названiе «*muscat vomitativ*».

Послѣ завтрака хозяинъ, окруженный гостями, сидитъ въ глубокомъ креслѣ на террасѣ второго этажа. Черты глубокаго утомленiя проскальзываютъ иногда на его задумчивомъ лицѣ, но онъ такъ радушенъ, такъ не хочется

ему, чтобы расходились гости. А внизу — розы. Красныя, бѣлыя, блѣдныя, большія крымскія розы, и горить вдали расплавленное серебро моря.

Прямо съ террасы — дверь въ рабочій кабинетъ. Большой письменный столъ, заваленный книгами и рукописями, фотографическяя карточки. Надъ каминомъ грустный пейзажъ Левитана. Я отрываю свой взглядъ отъ этого пейзажа, вижу кипарисы и сверкающее вдали море, и мнѣ кажется, что я понимаю, почему этотъ пейзажъ виситъ прямо противъ письменнаго стола, виситъ такъ, что хозяинъ долженъ видѣть его всякій разъ, когда поднимаетъ взоръ отъ бумаги. Простой, грустный пейзажъ средней Россіи. Это тамъ живутъ „мужики“, задыхаются люди „въ оврагѣ“, проходитъ безконечный рядъ хмурыхъ и не хмурыхъ русскихъ людей, это, наконецъ, вся Россія эпохи восьмидесятихъ годовъ, художественно воплощенная. И безъ этихъ воплощеній будущій историкъ русской жизни и литературы былъ бы въ большомъ затрудненіи и чувствовалъ бы огромный пробѣлъ. Только ради Бога не пробуйте говорить объ этомъ хозяину. Безконечно скромный, онъ, навѣрное, оставитъ васъ шуткой, онъ скажетъ, что всѣ пишутъ помаленьку, и онъ тоже, — такъ себѣ отмѣчаетъ интересныя мелочи жизни. Они были такъ безконечно чужды другъ другу — этотъ человѣкъ и табель о рангахъ, и потому-то она ни на мгновение не прикоснулась къ его творчеству — искреннему и прекрасному. И глядѣлъ на пейзажъ Левитана хозяинъ дачи въ Ауткѣ и рвался, буквально всей душой рвался туда, гдѣ былъ оригиналь этого пейзажа. Но онъ былъ недосыгаемо далекъ, и съ сѣвера заставили его крымскія горы. Онъ не допускали до большихъ легкихъ холоднаго русскаго вѣтра, но онъ же держали въ плѣну русскую душу. Подъѣзжали на извозчикахъ люди, глядѣли съ любопытствомъ черезъ заборъ на его дачу; когда онъ изрѣдка показывался на набережной, восторженный шопотъ проносилъ его имя, а онъ, какъ всегда, робко прятался отъ почта и все рвался туда, гдѣ кибла любимая, огромнымъ талантомъ разгаданная жизнь. Цвѣли розы, сверкало теплое море, и угасалъ скромный, правдивый и искренній, безмѣрно талантливый человѣкъ...

Вл. Ладыженскій.